

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

Факультет романо-германской филологии
Кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий

Допустить к защите
Заведующий кафедрой
д-р филол. наук, доцент
_____ И.П. Хутыз
_____ 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГИМНОВ

Работу выполнил _____ А.В. Голубева

Направление подготовки 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика

Направленность (профиль) Общий профиль

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент _____ К.В. Овчарова

Нормоконтролер
канд. филол. наук, доцент _____ М.Ю. Шульженко

Краснодар
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1 Язык и нация.....	6
1.1 Взаимосвязь языка и культуры.....	6
1.2 Гипотеза лингвистической относительности и избирательность языка....	11
1.3 Особенности лингвокультурного анализа.....	15
1.3.1 Лингвокультурология как наука.....	15
1.3.2 Сущность семиотического анализа.....	17
1.3.3 Лингвокультурема как межуровневая единица.....	19
1.3.4 Средства художественной выразительности, символы и архетипы.....	19
1.3.5 Классификация культуронимов по В. В. Кабакчи.....	19
1.4 Гимн как жанр и его связь с национальной идеей.....	23
2 Лингвокультурный анализ текстов государственных гимнов.....	26
2.1 Анализ гимна“Heil dir im Siegerkranz”.....	26
2.2 Анализ гимна “God Save the Queen”.....	31
2.3 Анализ гимна «Молитва русских».....	32
2.4 Анализ гимна «Боже, царя храни!».....	34
2.5 Анализ гимна“Deutschlandlied”.....	34
2.6 Анализ гимна Российской Федерации.....	38
2.7 Анализ гимна“Horst-Wessel-Lied”.....	39
2.8 Анализ гимна «Рабочая Марсельеза».....	26
2.9 Анализ гимна “Auferstanden aus Ruinen”.....	46
2.10 Анализ гимна “Flower of Scotland”.....	49
2.11 Анализ гимна СССР.....	50
Заключение.....	51
Список использованных источников.....	53
Приложение А Текст гимна “Heil dir im Siegerkranz”.....	56
Приложение Б Текст гимна “God Save the Queen”.....	57
Приложение В Текст гимна «Молитва русских».....	58

Приложение Г Текст гимна «Боже, царя храни!».....	59
Приложение Д Текст гимна “Deutschlandlied”	60
Приложение Е Текст гимна Российской Федерации.....	61
Приложение Ж Текст гимна “Horst-Wessel-Lied”	62
Приложение И Текст гимна «Рабочая Марсельеза».....	63
Приложение К Текст гимна “Auferstanden aus Ruinen”	64
Приложение Л Текст гимна “Flower of Scotland”	65
Приложение М Текст гимна СССР (1943-1955 гг.).....	66
Приложение Н Текст гимна СССР (1977—1991 гг.).....	67

ВВЕДЕНИЕ

Мы живём в полинациональном и мультикультурном мире, где каждый так или иначе отождествляет себя с определённой страной, ощущает свою причастность к вехам её истории, победам и поражениям, давним традициям и вековому наследию. Гимн – это поэтическое произведение, созданное, как правило, для сплочения народа. Это особый текст, наделённый метафорами и образами, культурной информацией, историческими реалиями, политическими мотивами, незыблемыми национальными ценностями и ориентирами. Именно эта специфика гимна как текста, принятого целой нацией и представляющего страну на мировой арене, обосновывает выбор этой темы.

Глобализация, несмотря на масштаб влияния, порождает и противоположные процессы: пробуждение в людях национального самосознания, стремление к самоидентификации, тенденции к сохранению культурной и народной самобытности. В этом аспекте актуальность работы заключается в том, что гимн выступает как средство отождествления человека (гражданина) с определённой страной. Исполнение гимна становится неким ритуалом, сплачивающим нацию в радостное и горькое время, объединяющим людей воедино, и в определённой степени олицетворяющим их видение страны.

Новизна данной работы состоит в том, что в рамках лингвокультурного анализа зачастую исследуются классические поэтические и прозаические произведения, в то время как рассмотрение текстов гимнов не представлено достаточно широко.

Результаты нашей исследовательской работы могут найти своё применение в различных лекционных курсах по общему языкознанию, стилистике и интерпретации текста, межкультурной коммуникации, истории, лингвокультурологии.

Объектом исследования являются тексты государственных гимнов (“Deutschlandlied”, “Heil dir im Siegerkranz”, “Horst-Wessel-Lied”, “Auferstanden

aus Ruinen”, «Молитва русских», «Боже, Царя храни!», «Рабочая Марсельеза», гимн СССР, гимн Российской Федерации, “God, Save the Queen”, “Flower of Scotland”).

Предметом анализа выступают языковые единицы и конструкции текстов гимнов, наделённые культурной семантикой.

Основной целью нашей работы стало выявление языковых особенностей текстов гимнов и соотнесение их с историческими и культурными реалиями, исследование взаимосвязи языка и культуры.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) выявить взаимосвязь национальной картины мира, культуры и языка; 2) обозначить основные характеристики гимна как жанра; 3) проанализировать тексты государственных гимнов и провести параллели с историческими событиями и национальными реалиями для определения в них лингвокультурной составляющей; 4) выделить средства художественной выразительности, архетипы, символы и образы; 5) изучить лексический состав текстов гимнов с целью выявления в них основных тематических блоков.

В отношении состояния научной разработки проблемы можно сказать, что в сфере лингвокультурологии проведено немало исследований, и каждый из учёных вносит свою лепту в развитие науки. Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как В. В. Воробьёв, В. А. Маслова, О. А. Корнилов, В. В. Кабакчи, А. Вежбицкая, С. Г. Тер-Минасова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Гачев, Э. Сепир, В. В. Красных, В. Н. Телия и другие.

В работе использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод обобщения теоретического материала, сопоставительный метод, лингвокультурный анализ (грамматический, лексический и фонетический уровни), интроспективный и интерпретационный анализ.

Данная работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованных источников и 12 приложений.

1 Язык и нация

1.1 Взаимосвязь языка и культуры

Такое многомерное явление, как язык, волнует умы учёных совершенно разных областей знания в течение многих веков. Неудивительно, ведь он выступает как некий тайник, который может поведать нам о ментальности народа, его воззрениях, отношении к себе и окружающему миру, первичной категоризации действительности и тонкости ума. Язык есть «и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведён и т.д.» (Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001).

Для нас в первую очередь важна взаимосвязь языка и культуры, то, как язык прорастает в неё и отражает её, как эти два явления влияют друг на друга. «Язык не существует и вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993). Всякий раз, когда мы прикасаемся к тексту, созданному другим народом, перед нами открывается богатый пласт значений и смыслов, выраженных эксплицитно или имплицитно. Язык может выступать как средство коммуникации сквозь века, поскольку он сохраняет в себе и передаёт культурную информацию, народную самобытность, национальные стереотипы, мифы, верования, сакральное, символы и многое другое. Согласно О. А. Корнилову, язык есть «неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры». Культуру нужно познавать не только изучая её материальную сторону и обретая знания в сфере географии, философии, литературы, истории, экономики, но пытаться понять образ мышления этих людей, «взглянуть на мир глазами носителей этой культуры» (Корнилов О. А.

Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003).

Общеизвестно, что понятие «культура» имеет множество различных трактовок. Само слово происходит от латинского “cultura”, что первоначально означало возделывание, обрабатывание (земли), затем слово впитало в себя такие значения, как воспитание, образование, развитие, почитание. С XVIII в. под культурой начинают понимать всё, что появилось благодаря деятельности человека (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 11). В основном, культура представляет собой «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей», «высокий уровень чего-н., высокое развитие, умение (Онлайн-словари русского языка: [сайт]. URL: <https://lexicography.online>), а также воспитанность и манеры человека, т.е. культурность. Лингвист В. Н. Телия в рамках лингвокультурологии определяет культуру как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» (Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996). Вслед за ней В. В. Красных говорит о культуре как «миропонимании, мироосознании и мироощущении некоторого лингвокультурного сообщества» (Красных В. В. Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры. М. : МГУ, 2011). В Философском энциклопедическом словаре этот термин трактуется как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» (Национальная философская энциклопедия : [сайт]. URL: <http://terme.ru>).

Лингвокультуролог В. В. Воробьёв справедливо отмечает, что «необходимо различать (но не противопоставлять) материальную культуру (орудия труда, жилища, предметы обихода, одежда, средства транспорта и т.п.) и духовную культуру (познание, нравственность, воспитание и просвещение:

право, философия, этика, наука, искусство, литература, язык, мифология, религия)» (Воробьёв В. В. Лингвокультурология. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2006). Культура есть не только артефакты, нечто искусственное, сотворённое руками, но и всякое интеллектуальное усилие, идея, созданный мир смыслов. При этом важно понимать, как взаимосвязаны выделенные понятия, как одно не может существовать без другого, ведь сама культура представляет собой систему материальных и духовных ценностей, одна из главных её задач – развитие и воспитание человека. Культура выступает как среда обитания человека, находясь в ней, впитывая её особенности, постулаты, табуированное или поощряемое, человек учится считывать коды, «языки», свойственные этой культуре, то есть социализируется. На основе дуализма материального и духовного разделились понятия «культуры» и «цивилизации», поскольку культура взяла два направления: удовлетворение материальных потребностей человека (цивилизация) и удовлетворение духовных потребностей (собственно культура в символическом понимании). Таким образом, культура – духовна, а цивилизация – прагматична, «культура облагораживает и возвышает душу человека, а цивилизация обеспечивает комфорт для тела» (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 21).

Стоит отметить, что труды В. Гумбольдта в отношении языка и культуры являются фундаментальными. Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями», а «своеобразие языка влияет на сущность нации» (Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985), «в языке запечатлён весь национальный характер» (Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984). Одно из самых известных высказываний учёного – язык, его внутренняя форма, есть «дух народа». Он полагал, что свойственные различным языкам внутренние формы проявляются в различных способах мышления и восприятия действительности человеком, в самом языке воплощается национальное своеобразие культуры.

Другие идеи выдающегося лингвиста в области языка и культуры ёмко выразила в своей монографии В. А. Маслова: 1) материальная и духовная культура воплощается в языке; 2) всякая культура национальна, её национальный характер отражён в языке посредством особого видения мира: «разные языки – это не различные видения одного и того же предмета, а разные видения его»; 3) язык «есть опосредующее звено между человеком и окружающим миром» (Маслова В. А. *Homo lingualis* в культуре. М. : Гнозис, 2007). Таким образом, язык является одним из важнейших средств познания мира, формирования определённой языковой «картины мира», а также способа представления внеязыковой реальности, что приводит нас к теории лингвистической относительности (см. далее).

Исследователь А. А. Потебня утверждает, что происхождение языка и происхождение духа «неравносильные и отдельные друг от друга» вопросы, хотя и «аналогия поэтического народного творчества с созданием языка во многих случаях поразительна». Также исследователь считает, что неверно толковать дух как «душевную жизнь человека», поскольку она отделима от языка, а мысль творческая зачастую не требует вербального выражения. А. А. Потебня, продолжая размышления В. Гумбольдта о духе народа, приходит к заключению: если понимать дух как «сознательную умственную деятельность», которая предполагает понятия, рождённые словом, то «дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка, и язык в нем есть первое во времени событие» (Потебня А. А. *Собрание трудов. Мысль и язык*. М. : Лабиринт, 1999). В подтверждение сказанному мы находим ещё один тезис В. Гумбольдта: «Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникает друг в друга», что одно можно вывести из другого (Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. С. 360).

В одной из идей В. Гумбольдта мы выделили, что национальный характер культуры отражён в «языковой картине мира». Лингвист О. А. Корнилов определяет это понятие как «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества»

(Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. С. 112). Таким образом, языковая картина мира и языковое сознание нации неразрывно связаны, воплощая в себе народное представление о мире, наивное первичное знание или логическое осмысление. Важно отметить, что языковая картина мира содержит также и свойственные человеческой природе заблуждения, предрассудки, суеверия, стереотипы, мифы, фантазии, умозаключения и предположения. Ведь всё, чему внимает человек, он воспринимает, познаёт и интерпретирует, отсюда и убеждение, что объективность есть некий недостижимый идеал. «В человеческом сознании объективный мир не отражается зеркально (и сознание не стремится к этому), а преломляется, превращаясь в форму особого мира. Именно этот отраженный в языке вторичный мир и представляет собой языковую картину мира» (Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. С. 99).

В свою очередь Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров убеждены, что «человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т.д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Русский язык, 1990). Следовательно, формирование нашего сознания, мировоззрения, нравственных ориентиров, отношения к жизни происходит в контексте национальной культуры, того языкового общества, в котором мы живём, поскольку значительную часть информации об окружающей действительности мы получаем через язык.

Лингвист С. Г. Тер-Минасова убеждена, что «путь от реального мира к понятию и далее словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов, и, соответственно, различиями развития их общественного сознания» (Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/ Slovo, 2000). Это и влияет на формирование национальной языковой картины мира, особой лексики, содержащей реалии жизни народа. Этого мнения

придерживаются и такие исследователи, как, например, О. А. Корнилов, В. А. Маслова, Г. Д. Гачев. Так, языковед Г. Д. Гачев выделяет такой фактор, как природно-климатические условия места обитания народа, в качестве одного из доминирующих при первичной категоризации мира: «естественные национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке» (Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Прогресс-Культура, 1995). Таким образом, обозначения давались непосредственно тем явлениям, которые были характерны для территории проживания народа, релевантны его образу жизни и видению мира. Недоступные его восприятию явления не поддавались лексикализации и не входили в выстроенную модель и картину мира.

1.2 Гипотеза лингвистической относительности и избирательность языка

Возвращаясь к высказанной В. Гумбольдтом идее о лингвистической детерминированности понимания явлений действительности, мы считаем нужным упомянуть гипотезу, получившую своё название благодаря американским лингвистам Э. Сепиру и Б. Уорфу. Она вызвала большой резонанс в обществе и справедливую критику, но для нас как исследователей сферы лингвокультурологии она несомненно важна.

Общеизвестно, что своими корнями гипотеза уходит в труды В. Гумбольдта, многие идеи которого нами уже были рассмотрены. В частности М. А. Фёдоров в своей статье приводит такую метафору известного лингвиста: «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» (Фёдоров М. А. От лингвистической относительности к относительности культурной. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2013). В соответствии с данной концепцией язык предстаёт как круг, который как бы задаёт пределы мировосприятию

народа, а сам язык является сводом определённых понятий, которые, согласно гипотезе, и структурируют наше мышление.

В соответствии с гипотезой Сепира-Уорфа, как отмечает Д. К. Куликов, мысленное членение мира на категории и образование понятий для постижения мира неразрывно связано с особенностями естественного языка (Куликов Д. К. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа и её методологическая оценка в работах М. К. Петрова. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012). Сегментируя и лексикализируя окружающий мир, человек формировал определённую «картину мира». Разумеется, неверно полагать, что язык и мышление в конкретных языковых понятиях формируют действительность. Она существует сама по себе, объективно, но лишь отражается, преломляясь, в сознании человека, в языке. Это преломление, это особое субъективное видение окружающего и есть человеческое восприятие, значительная часть которого осуществляется через язык. Э. Сепир в работе «Статус лингвистики как науки» утверждал: «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры», а люди находятся во власти языка (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 261). Мы убеждены, что язык в значительной мере влияет на наше мышление (как и многие внеязыковые факторы: традиции, установленная модель поведения, гендерные роли, конвенциональность и т.д.), но не определяет его. Лингвист предлагает такую дефиницию языка: «символическое руководство к пониманию культуры». Так, рассуждая на тему интерпретирования стихотворения, Э. Сепир отмечает, насколько важно не только понимание каждого слова в его основном значении, но и понимание образа жизни общества, которое раскрывается в оттенках значений слов (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 262).

Исследователь В. В. Воробьёв определяет гипотезу лингвистической относительности как «концепцию, согласно которой структура языка и системная семантика его единиц коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа» (Воробьёв В. В. Лингвокультурология. С. 4). Язык и мышление «коррелируют» друг с другом,

находятся во взаимосвязи, что было подтверждено многими исследователями, но они не детерминируют друг друга.

Нам бы хотелось сделать акцент на избирательности языка, в частности на том, как он отражает культурные, исторические и общественно-политические изменения. Размышляя над тем, что было первичным – норма языка или культуры, Б. Уорф в труде «Отношение норм поведения и мышления к языку», утверждал, что язык, по своей природе, сдерживает собственное развитие. Он как большая система, «а не просто комплекс норм», изменяется очень медленно в сравнении с другими областями культуры, хотя и «реагирует на все изменения и нововведения» (Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Спб. : Terra Fantastica, 2003). Можно сделать вывод, что язык как бы тщательно отбирает новые понятия и систематизирует их появление в языке.

Стоит, однако, подчеркнуть, что лексический уровень традиционно считается наиболее гибким и восприимчивым к изменениям, что, например, несложно заметить посредством наблюдения за усвоением в языке заимствований. Говоря о лексическом уровне, учёный Э. Сепир подчёркивал, что «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – всё это зависит от истории самой культуры». Исследователь также отмечал, что «лексические различия выходят далеко за пределы имён культурных объектов», поскольку «они в такой же степени характерны и для ментальной области». Так, автор приводит пример с глаголами “to kill” и “to murder”, которые могут быть переведены на русский язык как «убить», хотя в английском существует очевидная для носителя языка разница в семантике (Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 243).

Ярким примером гибкости лексического уровня могут послужить колоссальные изменения, произошедшие в нашем языке в XX в., в эпоху перемен. Новый политический режим ознаменовался отказом от значительной части культурного наследия, появлением ранее неизвестных обозначений,

явлений действительности. В русский язык пришло множество номинаций, например: «НКВД», «ликбез», «губком», «райком», «исполком», «большевик», «пионер», «комсомолец», «колхоз», «совхоз», «нэпман», «агитбригада», «агропром», «будёновец», «стахановец» и т.д. Как мы видим, многие из них представляют собой сокращения, сращения и аббревиатуры, что стало также новой тенденцией в языке. Теперь, когда это эпоха уступила место новому времени, прежние реалии, свойственные Советскому Союзу специфические слова стали историзмами и бытуют в настоящее время на страницах книг и учебников.

Большее беспокойство в конце XX и начале XXI вв. среди граждан вызвало такое явление, как заимствование иностранных слов, поскольку они в значительном количестве пришли в язык, зачастую заменяя при этом и исконно русские слова. «Открытие России миру и миром ознаменовалось, в первую очередь, лавиной иностранных, почти исключительно английских слов, которые массово ворвались в наш язык и нашу жизнь вместе с реалиями западной жизни с бизнесом, компьютерами, интернетом, фильмами, телевизионными сериалами, песнями...» (Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. С. 64). В обществе это вызвало настоящий резонанс, появилось множество критических статей в отношении данной тенденции, многие переживали за сохранность русского языка. Люди Новой России сначала не понимали, что означали «дедлайн», «диджей», «мониторинг», «клининг», «экслюзив», «триллер», «плейер», «лизинг», «андеграунд», «тинейджер» и тому подобное.

Однако, нас будут интересовать не только слова, появившиеся в определённую эпоху, но и те, что составляют ядро идеологии, ключевые элементы, характерные для того или иного периода времени, и особенности их употребления. Например, в данной работе мы будем рассматривать феномен свастики, который получил в немецком языке особое название “Hakenkreuz”, отделяющее это обозначение от древнейшего знака и связывающее его именно с нацистским режимом. Можно также говорить о частотно употреблявшихся

именах вождей и тех эпитетов, которые сопровождали в тексте их имена, или о таких культовых, концептуальных словах, как «товарищ», «трудолик», «коммунизм» и т.д. В нашем исследовании особое значение уделяется семантике и этимологии слова, а также контекстуальному употреблению слов как источникам культурной информации.

1.3 Особенности лингвокультурного анализа

1.3.1 Лингвокультурология как наука

Лингвокультурология своими корнями уходит в лингвострановедение – направление, основанное Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. Данная область в первую очередь была нацелена на преподавание языка. Лингвисты отмечали, что «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. С. 4).

При рассмотрении дисциплины лингвострановедение исследователи обращаются к двум аспектам: 1) лингвистическому (выявление особенностей национально-культурной семантики) и 2) лингвострановедческому («аспект соизучения новой национальной культуры в процессе овладения языком»). Лингвострановедение изучает связь языка и страноведения, которое представляет собой «всю совокупность знаний, представлений, предрассудков, чувствований, бытующих в стране (или странах) распространения данного языка» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: «Индрик», 2005).

В свою очередь лингвокультурология представляет собой синтез филологии и таких дисциплин, как культурология, этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика и другие, таким образом, аспект преподавания языка не является для неё ключевым. Лингвокультурология исследует «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в

языке» (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 27). Цель данной науки – изучить способы, при помощи которых в единицах языка хранится и передаётся культурная информация.

Лингвист В. В. Красных утверждает, что данное научное направление есть «феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных одеждах» (Красных В. В. Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры. С. 107). Следовательно, данный исследователь отделяет это понятие от языковой картины мира, представляющей собой семантическое пространство.

В. В. Воробьёв даёт наиболее развёрнутое определение лингвокультурологии, отмечая ряд особенностей данного направления: это научная дисциплина, «изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» (Воробьёв В. В. Лингвокультурология. С. 36). Стоит отметить, что лингвист делает особый акцент на «интегративном» аспекте при изучении взаимосвязи языка и культуры. По его мнению, это один из главных факторов, выделяющий данное направление из ряда других, так же как эмпирические исследования и более широкий диапазон рассматриваемых тем.

Таким образом, объектом лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры, языка как передатчика культурной информации, и человека. Лингвист В. А. Маслова концентрирует своё внимание больше на культурной информации, присущей конкретному народу, в то время как некоторые лингвисты к объекту данной науки относят не только национальную культурную информацию, но и общечеловеческую (библейские универсалии) (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 35).

Предметом исследования лингвокультурологии выступают «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре». Прежде всего стоит выделить: безэквивалентную лексику и лакуны, мифологизированные языковые единицы (архетипы, мифологемы,

обряды и поверья, ритуалы и обычаи), паремиологический фонд языка, фразеологический фонд языка, эталоны, стереотипы и символы, метафоры и образы, девизы и лозунги, стилистический уклад языка, речевое поведение, область речевого этикета (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 36).

1.3.2 Сущность семиотического анализа

Методология лингвокультурологии весьма обширна и зависит от индивидуального подхода исследователя. Так, В. В. Воробьёв уделяет особое внимание семиотической модели изучения языка и культуры, поскольку лишь она, по его мнению, способна «опосредовать» все свойства знаков (Воробьёв В. В. Лингвокультурология. С. 38).

Говоря о семиотике, мы так или иначе обращаемся к логике. Так, в модели Ч. Пирса и Ч. Морриса для интерпретации знаков можно выделить четыре компонента: 1) знак (слово); 2) десигнат (класс объектов, реальный объект – денотат); 3) интерпретанта (смысл, содержание знака); 4) интерпретатор (субъект) (Гуманитарная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://gtmarket.ru/encyclopedia>). В семиотике выделяют три аспекта знаковых систем: 1) синтактика, отношения между знаками, 2) семантика, содержательная сторона знаков, их смысл, 3) прагматика, отношения между знаковыми системами и людьми. (Энциклопедия Кругосвет : [сайт]. URL: <http://www.krugosvet.ru>).

Исследователь Б. Ю. Норман отмечает, что немецкий учёный Г. Клаус вносит в план содержания ещё один элемент: сигматику. Таким образом, отражение знака в нашем сознании (семантика) и отношение знака к самому объекту, или референту (сигматика) различается (Норман Б. Ю. К соотношению семантической и сигматической информации в плане содержания слова (на материале славянских языков). М. : Языки славянских культур, 2011). Б. Ю. Норман также утверждает, что семантическая и сигматическая информация, как правило, взаимодействуют и являют собой языковую картину

мира, что, в свою очередь, часто соотносят с наивной картиной мира. Обыденная картина мира отражает опыт практической деятельности, основанный на сенсорных данных, тогда как языковая картина мира «формируется как систематизация семантической информации», что может не подразумевать практический опыт (Норман Б. Ю. К соотношению семантической и сигматической информации в плане содержания слова (на материале славянских языков). С. 310).

В. В. Воробьев разделяет языковую и внеязыковую семантику. Если первая ограничивается неизменными и характерными свойствами предмета, то внеязыковая семантика вбирает в себя культуру народа, специальное знание и конкретные реалии. Такую культурную информации можно найти в энциклопедических словаря и частично – в некоторых толковых словарях. Исследователь считает, что именно сигматический аспект значения раскрывает внеязыковое содержание слова. В качестве примера он приводит слово «баня», которое в словаре С. И. Ожегова наделено языковым значением, а в словаре В. И. Даля – внеязыковым (тип мытья, части бани, русские обычаи, связанные с баней и т.д.). Таким образом, сигматический аспект не ограничивается «значением как собственно семантической языковой категорией, а имеет своим конечным объектом референт, референцию, денотат» (Воробьев В. В. Лингвокультурология. С. 39-41).

Парадигматика лингвокультурологических единиц, их системные связи представлены гипонимическими, синонимическими и другими отношениями. Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями, поскольку в них отражается характерное использование обозначаемого как предмета культуры. Для лингвокультурологии важно не только употребление слов, но и характер использования самих реалий на внеязыковом, культурном уровне.

Стоит отметить, что лингвист Анна Вежбицкая не согласна с моделью Чарльза Морриса, полагая, что в логике семантика понимается как отношение между знаками и внешним миром (Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.

М. : Русские словари, 1996). Но когда мы рассматриваем внешний мир через естественный язык, мы неминуемо сталкиваемся с элементом субъективизма – это существенная часть человеческой природы, особенно при интерпретации и познании явлений действительности. «Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка». В свою очередь, значение «антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос» (Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. С. 6). При этом лексикон, синтаксис, морфология, просодические характеристики, средства выразительности и т.д. – всё наделено своей семантикой. Анна Вежбицкая разделяет семантику на лексическую, грамматическую и прагматическую. Граница между грамматическими и лексическими значениями определяет различие в способе выражения значения. К сфере прагматики отнесены те языковые элементы, у которых субъективно-экспрессивные компоненты доминируют над денотативными (просодия, интонация, субъективно-экспрессивные слова “almost”, “only”, “around”, “about”, морфемы (диминутивные и т.д., иллюкутивные конструкции)) (Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. С. 7).

1.3.3 Лингвокультурема как межуровневая единица

Исследователь В. В. Воробьёв предлагает выделять лингвокультурему – межуровневую единицу, которая «включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла)», содержащихся в этой единице (Воробьёв В. В. Лингвокультурология. С. 44). Он считает, что лингвокультурема наделена понятийно-предметным значением, дает более полное отражение объекта, проникает в его глубокое содержание и не является просто языковым намеком, подобно лексическому значению. То, насколько полно носитель языка понимает содержание лингвокультуремы, напрямую зависит от его компетенции. Стоит отметить, что В. А. Маслова

считает термин «лингвокультурема» неясным, поскольку он не объясняет, как культурная информация закрепляется и функционирует в языковом знаке (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 52).

Лингвокультуремы обладают рядом признаков: 1) выражают имя поля (например, «русская национальная личность», «соборность», «красота» и т.д.), 2) имеют определенную структуру, 3) объединяются и дифференцируются по характеру источников. Что касается структурных типов лингвокультурем, то они весьма разнообразны: от одного слова (лексемы) до целого текста (например, размышления о русской отзывчивости в «Подростке» Ф. М. Достоевского) (Воробьев В. В. Лингвокультурология. С. 53). Важно отметить, что исследования В. В. Воробьева были посвящены русской национальной личности, что представало как семиотическое поле и лингвокультурема. Таким образом, среди источников лингвокультурем в отношении исследуемого объекта учёный выделяет: народное поэтическое творчество, памятники истории и общественной мысли, высказывания известных деятелей науки, искусства и литературы, литературные произведения и публицистика, примеры выдающихся личностей, мысли и суждения иностранцев об исследуемой культуре (Воробьев В. В. Лингвокультурология. С. 56).

Как мы видим, учёный выступает не только как лингвист, но и как философ, когда принимается за исследование русской души и характера. Метод выделения лингвокультурем в его случае кажется наиболее подходящим, поскольку В. В. Воробьев сначала определил особенности русской национальной личности, основываясь на русской классической литературе, мысли, истории, христианских ценностях и ярких представителях этой нации, а затем создал семиотические поля. В отношении текстов гимнов данный подход кажется нам нерелевантным, потому что, хотя и единицы языка в текстах наделены специфичной культурной информацией, они не могут быть в полной степени репрезентативными и отражать особенности нации (хотя бы в силу неполной представленности исторических и культурных реалий народа).

1.3.4 Средства художественной выразительности, символы и архетипы

Говоря о предмете лингвокультурологии, мы перечислили основные источники культурной информации, закреплённые в языке. На каждый из них опирается лингвист В. А. Маслова в своём исследовании, но, в частности, она делает акцент на приёмах метафоры, олицетворения, эпитета и сравнения, а также выделяет символы и архетипы. Мы принимаем данный подход, поскольку определение средств художественной выразительности в поэтических текстах – традиционный и продуктивный метод, а архетипы как конструкты коллективного бессознательного могут поведать много интересного о человеке как виде и представителе определённой нации.

Говоря о фразеологизмах, метафорах и символах, В. А. Маслова называет их «ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа» (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 2). Также, с точки зрения антропоцентризма, человек познаёт мир через самого себя, что часто находит отражение в метафоре и персонификации (например, «метель укутала», «сережки берез»). Исследовательница также упоминает ценности, нормы, образцы и идеалы как главные составляющие аксиологии. Система ценностей предстаёт как ядро духовной культуры, её можно отметить в таких концептах, как «вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т. п.» (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 23).

Помимо этого, В. А. Маслова подчёркивает, насколько важна внутренняя форма слова в качестве источника культурной информации, народного мировидения. Внутренняя форма слова – «это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово» (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 45). Часто она тускнеет и забывается, но если её можно наглядно выделить в слове, то создаётся представление о культурно-национальном своеобразии слова, категоризации мира, народных ассоциациях.

1.3.5 Классификация культуронимов по В. В. Кабакчи

В труде «Основы англоязычной межкультурной коммуникации» В. В. Кабакчи предложил выделять культуронимы (языковые единицы, закреплённые за элементами различных культур) и создал их подробную классификацию, которую мы находим весьма удобной и обоснованной. Подход лингвиста кажется целесообразным для нашего исследования, ведь тексты гимнов изобилуют культурной информацией (культуронимами). Автор вводит понятия внутренней и внешней культур: первая являет собой культуру народа носителя данного языка, а вторая – иноязычную с точки зрения данного языка. Как следствие, идионимы – это слова, обозначающие специфические элементы внутренней культуры, а ксенонимы – внешней культуры. Помимо этого, учёный выделяет нейтральную в отношении культуры лексику и полионимы (универсальные культуронимы), т.е. такие элементы окружающего действительности, которые представлены в большей части культур народов мира, например, “women”, «мужчина», «молодость», “spirit” (Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. Спб. : РГПУ им А.И. Герцена, 1998).

Сами ксенонимы исследователь тематически разделил на: географическую лексику (топонимы и географические термины: напр., “Volga”, “fjord”), историческую лексику (напр., “Kaiser”, “Bismarck”), политическую лексику (напр., “Bolshevik”, “Third Reich”), образование и науку (напр., “Sorbonne”), религию (напр., “Orthodox Church”, “shaman”), литературу и искусство (напр., “War and Peace”, “Mozart”), традиции и быт (напр., “isba”, “concierge”), инокультурный разговорный этикет (напр., “Herr”, “merci”).

В силу специфики гимна как торжественной песни, олицетворяющей символ государственного или классового единства, в выбранных текстах не встречались ксенонимы, которые можно было бы отнести к разделам «образование и наука», «литература и искусство», «традиции и быт».

1.4 Гимн как жанр и его связь с национальной идеей

Одно из ёмких определений гимна представлено в словаре Д. Н. Ушакова: «Торжественная песня, принятая как символ государственного или классового единства» (Ушаков Д. Н. Толковый словарь : [сайт]. URL: <http://ushakovdictionary.ru>). В свою очередь Оксфордский словарь английского языка даёт следующее определение гимну: “a solemn patriotic song officially adopted by a country as an expression of national identity” (торжественная патриотическая песня официально принятая страной в качестве выражения национального единства) (Oxford English Dictionary : [сайт]. URL: <http://oxforddictionaries.com>). Ключевым в этих определениях является то, что гимн рассматривается как символ принадлежности к государству.

Гимны бывают религиозные, государственные, революционные, военные, литературные, а также могут выступать просто в роли хвалебной песни. Государственный гимн как один из главных символов страны призван отражать гордость гражданина за свою родину, восхвалять её, служить памяти. В целом, гимн является песней, восхваляющей и прославляющей кого-либо или что-либо.

Принято считать, что использование религиозного гимна как боевой песни стало основой для «национального гимна». Национальный гимн как патриотическое музыкальное сочинение, вызывает возвышенные чувства и превозносит историю, традиции и героическую борьбу народа (Хорошкевич А. Л. Герб, флаг и гимн. Из истории государственных символов Руси и России. М. : Время, 2008).

Особым значением наделяет гимн исследователь Е. П. Чельшев. По его мнению, государственный гимн есть «концентрированное выражение национальной идеи», «патриотическая песня, выражающая дух народа, его заветные убеждения, его основные устремления». Он также утверждает, что отсутствие гимна у народа «свидетельствует о незавершённости поисков общественного идеала, общезначимых целей, иными словами – национальной

идеи» (Чельшев Е. П. Государственный гимн как феномен государственной символики: к вопросу о русской национальной идее. М. : «Пространство и время», 2012).

Гимн представляет собой государственную символику наряду с флагом и гербом. Мы зачастую ассоциируем эту символику со своей страной, отчего она выступает как предмет гордости и самоидентификации. Гимн стоит рассматривать и как явление культурное, способное отразить особенности определённого народа. Лингвисты Л. Н. Умярова и В. Д. Шевченко пришли к выводу, что гимны содержат в себе национальную концептосферу той или иной страны. В частности они выявили наличие следующих концептов: 1) религия; 2) единство нации; 3) гордость за страну. В своей работе они исследовали национальный характер, менталитет, историю и культуру народа через их проявления в тексте гимна (Умярова Л.Н., Шевченко В. Д. Линвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран. Самара: «Институт анализа экономики города и региона», 2012). Используя этимологию языковеда В. И. Карасика, гимн относится к сфере ритуального дискурса, где официальная обстановка его исполнения создаёт эффект ценности и значимости момента. Этот ритуал собирает людей в единую группу и призывает их к выполнению определенных действий или же формированию определенного отношения к чему-либо (Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002).

В ситуациях, когда страна многоязычна, гимн исполняется либо на самом распространённом языке, либо сразу на нескольких языках данной страны. Л. Н. Умярова и В. Д. Шевченко обнаружили любопытный факт, исследуя англоязычные гимны: «Большинство бывших заморских владений Великобритании имеют официальный гимн “God Save the Queen”, а также неофициальный гимн, который, как правило, исполняется на английском языке. Тексты некоторых гимнов исполняются на государственном языке страны, при этом обязательно наличие английского варианта (Багамы, Новая Зеландия,

Остров Мэн)» (Умярова Л. Н., Шевченко В. Д. Линвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран. С. 34).

Занимаясь исследованием функций государственного гимна, исследователь Т. С. Зотеева подчёркивает, что он нацелен на стабильное существование власти, тем самым укрепляя солидарность граждан и их приверженность государственной системе. Во-вторых, она считает, что гимн выполняет регулятивную функцию в отношении поведения людей, вызывая воодушевление, чувства любви, уважения и гордости за свою страну. Таким образом, гимн выступает как составная часть ритуального действия: официальных государственных церемоний и праздников, съездов партий, коронации, спортивных соревнований и т. д. (Зотеева Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический, 2013).

В связи с этим хочется отметить и назначение ритуала по В. И. Карасику:

- констатировать нечто;
- интегрировать и консолидировать участников события в единую группу;
- мобилизовать их на выполнение определённых действий или выработку определённого отношения к чему-либо;

- закрепить коммуникативное действие в особой заданной форме, имеющей сверхценный характер (Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. С. 53).

Проанализировав каждый из гимнов в отдельности, мы обнаружили ряд отличий, несмотря на это, что гимн как жанр содержит элементы восхваления. В силу того, что каждый из них был создан в разную эпоху, ценности и акценты в тексте существенно сменялись, а культурная составляющая проявлялась с новой стороны.

2 Лингвокультурный анализ текстов государственных гимнов

2.1 Анализ гимна “Heil dir im Siegerkranz”

“Heil dir im Siegerkranz” («Славься ты в венце победном») – императорский гимн в Германской империи с 1871 по 1918 гг. Хотя он не был государственным гимном в современном понимании, особенно в южных немецких землях, сторонники монархии, Вильгельма I и объединения Германии выражали свою позицию, исполняя именно это произведение.

Интересной особенностью государственных гимнов, которые представляют страны с монархической формой правления – это акцент на правителе, помимо этого в таких текстах мы часто наблюдаем воззвание к Богу, который должен оберегать государя, державу и народ от всяческих бед и смут и благоприятствовать победам на международной арене. Любопытно то, что в немецком императорском гимне образа Бога нет вообще, главная фигура – Кайзер. К нему обращаются как “Heil, Kaiser, dir!” (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения А), где форма “Heil, dir!” выступает в качестве приветствия, пожелания и может быть переведена: «Слава тебе!», «Славься...», «Хвала...» и т.д. Интересно, что и в немецком, и в русском языках мы предпочитаем неформальную форму “dir” (тебе) форме “Ihnen” (Вам) при обращении к властителю. Очевидной параллелью здесь может стать обращение к Богу: «Слава Тебе, Боже!» и подобные вариации (хотя это не абсолют), где используется местоимение 2 л. ед. ч., но написанное с большой буквы (как и в английском языке “You” для Господа). Всегда стоит учитывать тот факт, что гимн, как правило, написан одним человеком, а после он призван отражать целую нацию через идиостиль поэта и культурную картину мира. Хотя и образа Бога отсутствует в тексте гимна, существовал знаменитый девиза «Gott mit uns» («Бог с нами»), который был изображён на гербе Германской империи и выбивался на пряжках ремней у солдат вермахта.

В гимне образ Кайзера рисуют в победном венке “der Siegerkranz” (“der Sieger” – победитель, “der Kranz” – венок; “Lorbeerblatt” – дословно «лавровый лист» - метонимический перенос), который можно трактовать как лавровый венок, издавна даруемым победителям (в Древней Греции – поэтам и музыкантам, в Древнем Риме – полководцам) как атрибут вечной славы (так как растение вечнозелёное) и власти (преемственность традиций Священной Римской империей германской нации). Эту преемственность традиций можно проследить также и в историческом ксенониме «Кайзер» – германском титуле монарха (равен титулу императора), который происходит от римского титула «Цезарь» (лат. Caesar) в честь древнеримского государственного деятеля и полководца Гая Юлия Цезаря (URL: <https://lexicography.online>).

Стоит признать, что текст отличается поэтичностью и метафоричностью, власть и управление империей идеализируется, приравнивается к блаженству: “Fühl in des Thrones Glanz/ Die hohe Wonne ganz,/ Liebling des Volks zu sein!” (Почувствуй в сиянии трона, насколько это высокое блаженство – быть любимцем народа). Трон представляют не только в сиянии и блеске, но и как большую, громадную высоту, где «князю» одному дано «стоять»: “Sichern die steile Höh'/ Wo Fürsten steh'n” (в данном фрагменте автор использует прилагательное “steil”, которое переводится как «крутой», «отвесный», «обрывистый», «вертикальный», но данные прилагательные не сочетаются в русском языке с существительным «высота». Автор гимна убеждён, что опорой «трона государя» (“Gründen den Herrscherthron”) являются не «конь» (как архетип власти и мощи) и не «всадник» (также приём употребления ед. ч. в значении мн. ч.), но любовь Отечества (“Liebe des Vaterlands”) и, что примечательно, «любовь свободного человека», и эту любовь поэт прочностью приравнивает к скале в море: “Wie Fels im Meer”. Стоит отметить, что в строке “Liebe des freien Manns” наглядно использование существительного “der Mann”, которое может переводиться не только как «человек», но, в первую очередь, как «мужчина» – омонимия, встречающаяся во многих европейских языках, при этом очевидна также и роль женщины во второй половине 19 века в Германии.

Поэт использует словосочетание “heilige Flamme” (священное пламя): “Heilige Flamme glüh',/ Glüh' und erlösche nie/ Fürs Vaterland!”. Как нами уже было замечено ранее, в тексте отсутствует упоминание Бога или аллюзия на него, однако, употребление слова “heilig” (святой, священный) изначально содержит в себе религиозную коннотацию, имеет сакральное значение. Согласно Корпусу немецкого языка, данное слово может также обозначать какое-то явление (предмет) по своей сути серьёзное и неприкосновенное (“in tiefster Seele ernst und unantastbar”): “heilige Wahrheit” (святая истина), “meine heilige Überzeugung” (моё глубокое убеждение), “heilige Pflicht” (священный долг), “heiliger Ernst” (святая серьёзность) и т.д. Выражение же “heilige Flamme” создаёт ассоциации с “Heiliges Feuer” («Благодатный огонь»), “Ewige Flamme” («Вечный огонь»), а сам огонь выступает как архетип (зарождение чего-то нового, жизненная сила, божественный смысл, защита, очищение, дар, любовь) (Национальный корпус немецкого языка : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de>). Поэт обращается к этому пламени, просит его гореть и не потухать никогда ради Отечества, тем самым оберегая и благословляя его.

Поэт призывает народ быть мужественным ради государя, ради «одного человека» (“Wir alle stehen dann/ Mutig für einen Mann” – классическое создание единства и общности через местоимения «мы» и «все»), сражаться и проливать кровь ради трона и империи (“Kämpfen und bluten gern/ Für Thron und Reich!” – идеал самоотречения и превозмогания интересов личности, смиренная преданность, принятие собственного рока «с радостью» (“gern”)). Стоит обратить внимание на слово “das Reich”, которое коррелирует с «империей», «государством», «царством», «королевством». Если мы переводим его как «рейх», оно становится культуронимом. Наиболее часто в русском языке слово «рейх» используется в отношении нацистской Германии – «Третий рейх» (исторический или политический ксеноним; в нем. яз. “Deutsches Reich”, затем “Großdeutsches Reich”), «Первым рейхом» условно выступает Священная Римская империя германской нации (“Heiliges Römisches Reich Deutscher

Nation”), а «вторым» – кайзеровская Германия или Германская империя (“Deutsches Kaiserreich”).

Если в Российской империи государственной религией было православие (абсолютное большинства крестьян среди населения), что хорошо просматривается в государственных гимнах эпохи, в русских девизах «За Веру, Царя и Отечество», «Православие, самодержавие, народность», а принципом монархии была «богоустановленность» царской власти, то возникает вопрос, какое значение имела религия в Германской империи. Здесь важно отметить, что в Российской империи вплоть до 1905 года монархия была абсолютной, в то время как в Германской империи – федеративной, что сказывалось на полуофициальном характере гимна. Главную роль в империи играла протестантская Пруссия, а первым правителем объединённой Германии стал король Пруссии Вильгельм I.

Развитие науки и торговли в 19 в. отображено в тексте гимна: “Handel und Wissenschaft/ Heben mit Mut und Kraft/ Ihr Haupt empor!”. Здесь автор прибегает к приёму персонификации: так, у науки и торговли появляется «голова» (“das Haupt”), которую они с «мужеством и силой» (дословный перевод “mit Mut und Kraft”) поднимают вверх. Это движение выступает как метафора прогресса и успеха в указанных областях. Если мы обратим внимание на внутреннюю форму слова, то заметим, например, что для русского «наука» (происходит от др.-русск. «ука» – учение) в немецком языке “die Wissenschaft” (от “das Wissen” – «знание», глагол «знать» – “wissen”; суффикс “schaft” для обозначения абстрактных существительных), которые своей внутренней формой (учение – знание) весьма похожи (сравним название науки «языкознание») (URL: <https://lexicography.online>).

Зачастую существительное “der Mut” переводят как «мужество», другие значения – «смелость», «храбрость», «отвага», «бесстрашие», «доблесть» и т.д. Однако в русском эквиваленте «мужество» заложена характеристика мужского пола, то есть подобное человеческое качество характерно, в первую очередь, мужчинам, если мы судим по внутренней форме слова. В немецком аналоге

такого нет. Если мы обратимся к этимологическому словарю (Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М. : «Азбуковник», 2004), то обнаружим, что немецкое “der Mut” связано значением, например, с древнеанглийским “mod” (англ. “mood”) как «настроение», «расположение духа». В Корпусе немецкого языка в качестве этимологии приводится слово древневерхнемецкого языка “muot”, которое можно трактовать как сила мышления, душа, сердце, расположение духа, образ мыслей, чувство, намерение, склонность (“Kraft des Denkens, Seele, Herz, Gemütszustand, Gesinnung, Gefühl, Absicht, Neigung”) (URL: <https://www.dwds.de>). Установленное различие кажется нам принципиально важным в попытке интерпретировать текст и посмотреть на него с точки зрения носителя русского и немецкого языков.

Для экспрессивности автор использует плеоназм “dauernder stets” (“Dauernder stets zu blüh’n”), который дословно можно перевести как «дольше, чем всегда» или русским эквивалентом «навек веков». Описывая «вечное» цветение флага (метафора), поэт также использует приём персонификации, так как флагу приписывается характеристика, свойственная человеку – «смелый», «смело» (“Weh' unsre Flagge kühn/Auf hoher See!” – упоминание моря или морского простора отсылает нас к географическим реалиям: империя имела выход к Балтийскому и Северному морям). В тексте автор также олицетворяет государственный символ Германии – «орла» (“der deutsche Aar”), который гордо и величественно (“Na, wie so stolz und hehr”) через земли и моря (“Wirft über Land und Meer” – в немецком варианте существительные в ед. ч.) бросает «горящий взор» (“Flammenden Blick”). Стоит отметить, что в Германии со времён Священной римской империи использовали орла в качестве символа в геральдике, который воплощает собой мужество, власть, величие, отвагу, господство, победу, бдительность, жизненные силы и солнце.

Кайзера в тексте гимна величают как “Herrscher des Vaterlands!” («властитель Отечества»), “Liebling des Volks” («любимец народа»), “der Fürst” («князь»), “ein Mann” («один человек», ради которого готовы на «радостную»

погибель), “deines Volkes Zier” («краса своего народа»), “der Menschheit Stolz” («гордость человечества»). Также германскому государю, как и королеве в “God save the Queen” и царю в «Молитве русских», желают долгих лет правления (нем. “Sei, Kaiser Wilhelm, hier/ Lang” – англ. “Long live our noble Queen” и “Long may she reign”(Приложение Б) – рус. «Славному долги дни/ Дай на земли!» (Приложение В)).

Мы уже отмечали, что в монархических гимнах, главной фигурой выступает царь, император, король, Кайзер и т.д. Однако, если мы обратимся к гимнам “God save the Queen” и «Молитве русских», то обнаружим воззвание к Богу с просьбой о благополучии правителя, о ниспослании благодати, государственных побед (англ. “God save our gracious Queen”, “Send her victorious,/ Happy and glorious”, “Thy choicest gifts in store/ On her be pleased to pour”, “May she defend our laws”(Приложение Б) ; рус. «Перводержавную/ Русь православную/ Боже, храни!»; «Царство ей стройное/ В силе спокойное!/ Все ж недостойное/ Прочь отжени!» (Приложение В)).

2.2 Анализ гимна “God Save the Queen”

При анализе гимна “God Save the Queen” мы столкнулись с некоторыми трудностями. Они связаны с тем, что у гимна как бы нет официального, фиксированного текста, так как он является государственным де-факто. Руководствуясь традицией, исполняется только первый куплет гимна, в редких случаях вместе с третьим (именно эти две строфы вы найдёте на сайте королевской семьи).

Поскольку монархом в Великобритании на данный момент является королева, используют феминизированный вариант гимна. В целом, акцент на половой принадлежности правителя можно считать особенностью этого произведения: возможность замены “King” на “Queen”, “he”, “his” и “him” на “she” и “her”(этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Б).

Основным лейтмотивом, проходящим через всё произведение, является воззвание к всемогущему Богу с просьбой о здравии и долголетию правителя, о благополучии и процветании государства. Подобные вопрошания предстают в качестве императива и экскламации, т.е. побудительными и восклицательными конструкциями. Так, мы наблюдаем прямое обращение к Богу в строках “God save our gracious Queen!” и “O Lord our God arise” (религиозные ксенонимы), а также императив и экскламатив, например, “Long live our noble Queen!” и “God save the Queen!” (“Queen” можно отнести к историческим ксенонимам). Несомненно, ощущается глубокая вера народа в то, что Бог может ниспослать или забрать, наделить или же лишить (“On Thee our hopes we fix: / God save us all” или “Thy choicest gifts in store, / On her be pleased to pour”). Здесь мы видим употребление устаревших местоимений (“Thee” и “Thy” с большой буквы в знак уважения к Господу), конструкцию “to fix hopes on smb.” (которую можно перевести на русский язык как «возлагать надежды на кого-то») и “choicest gifts” (от прил. “choice” – хорошего качества, высококачественный, то есть щедрые, «добротные» дары). В тексте мы также встречаем необычную конструкцию: “Send her victorious, / Happy and glorious”, где прилагательные выступают как определение самой королевы (“Send her...”). Таким образом, данные строки можно трактовать как “God grant that she may be victorious, happy and glorious”. В тексте гимна мы находим ряд прилагательных, которые призваны создавать особый образ правительницы: “gracious”, “noble”, “victorious”, “happy and glorious”.

2.3 Анализ гимна «Молитва русских»

Первым официальным гимном Российской империи в 1816 году при Александре 1 выступило стихотворение В. А. Жуковского «Молитва русских». В нём мы ясно видим глубокую веру народа в Бога, силу православных традиций, надежду на светлое будущее родной земли.

Гимн «Молитва русских» предстаёт как в высшей степени набожное произведение («Боже», «О, Провидение!», «Всех утешителю» и т.д. – религиозные идионимы и перифраз) (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения В). Несмотря на то, что царь – это «наместник Бога на земле», ему посвящено всего несколько строчек и только в контексте вопрошания к Богу. Всё остальное – это мольба о помощи страждущим, гордым, слабым, о сохранении православной Руси, благословении, незыблемых христианских ценностях: «К благу стремление, /В счастье смирение,/ В скорби терпение/ Дай на земли!» (здесь мы также наблюдаем ассонанс повторяющихся букв «и» и «е»).

Удивителен и образ России, созданный поэтом: Русь перводержавная и православная. Слово «перводержавная» относится к высокому стилю и может трактоваться как «могущественная», а корень «перв» подчёркивает превосходство, первенство России по сравнению с другими странами. Что интересно, слово «перводержавная» образовано от слова «держава» – сильное и независимое государство, этимология которого восходит к слову «държа» – «владычество») (URL: <https://lexicography.online>). Одним из значений слова «держава» также является «золотой шар с короной или крестом», который представляет собой символ власти, монархии, и если мы посмотрим на портреты русских царей, то держава вместе со скипетром – неотъемлемый атрибут этих картин. Исполнены русским духом и следующие строки: «Царство ей стройное/ В силе спокойное! – / Все ж недостойное/ Прочь отжени!». Здесь мы наблюдаем идионим «царство» (от слова «цезарь» – “Caesar”) и старославянское «отжени» (отгони), которое часто используют в молитвах для выражения просьбы о защите от зла и греховности. Примечателен эпитет «стройное» со словом «царство», так как в данном контексте он обретает новую коннотацию, символизируя незыблемость, прочность, долговечность, надёжность, слаженность. «Спокойное» тоже меняет свой оттенок и расширяется семантически, означая уверенность (в своих силах), бесстрашие, контроль (над ситуацией). Примечательно и то, что автор использует слово

«Русь», а не «Россия», например, подчёркивая этим древность наших корней, истоки, связь с предками, а «православная» (калька с греч. “orthodox”, где “ortos” – «правильный» и “dox” – «славный») как христианские постулаты, ценности и идеалы, по которым живёт русский народ.

2.4 Анализ гимна «Боже, царя храни!»

Вторым государственным гимном уже при Николае I стал «Боже, Царя храни!» – первая строфа «Молитвы русских» В. А. Жуковского. Выбор именно этой строфы в качестве гимна полностью меняет впечатление от текста и сдвигает ценностную систему координат. Главной фигурой предстаёт царь, а не Бог или Русь: «Царствуй на славу, на славу нам!/ Царствуй на страх врагам,/ Царь православный!» (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Г). Показательно употребление слова-обращения «Боже» дважды, а слово «царь» трижды вкупе с однокоренным глаголом в повелительном наклонении «царствуй» ещё два раза.

Существительное-идионим «царь» сочетается в тексте с такими прилагательными, как: «сильный», «державный», «православный». Именно царь теперь определяет судьбу народа, страны, каким будет завтрашний день, а его мудростью и повелением вершатся судьбы людей, что по своей риторике весьма напоминает императорский гимн Германской империи.

2.5 Анализ гимна “Deutschlandlied”

«Песнь немцев» (нем. “Das Lied der Deutschen”, “Deutschlandlied”) написана в 1841 году. Гофман фон Фаллерслебен, её автор, воплотил в тексте идеал о единой и свободной Германии. «Песня» становится национальным гимном лишь в 1922, после заседания Национального собрания Германии, где была принята Веймарская конституция. Ситуация меняется во времена Третьего рейха, поскольку исполняется только первая строфа композиции,

после чего следует гимн НСДАП «Песня Хорста Весселя». После объединения Германии гимном ФРГ официально стала третья строфа «Песни немцев».

Сейчас нам сложно представить, какие потрясения переживала Германия того времени, находясь в состоянии феодальной раздробленности. Текст гимна буквально пропитан национальной идеей, немецким самосознанием, мечтой о едином государстве (“Deutschland über alles”) (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Д), решении «немецкого вопроса», объединении немецких земель, которых роднит язык и культура ([Deutschland] “brüderlich zusammenhält”). Автор прибегает к географическим ксенонимам, описывая просторы немецких земель (“Von der Maas bis an die Memel,/ von der Etsch bis an den Belt”). В первом куплете Гофман фон Фаллерслебен использует также плеоназм (“wenn es stets zu Schutz und Trutze”) для создания экспрессии. В Национальном корпусе немецкого языка DWDS мы находим, что слово “der Trutz” (сопротивление, оборона) зачастую используют вместе со словом “der Schutz” (защита), следовательно, “Schutz und Trutz” – устойчивое словосочетание (URL: <https://www.dwds.de>).

Стоит подчеркнуть, после Первой мировой войны первая строфа гимна (в частности строки “Deutschland über alles”) могла трактоваться как реваншистская, но всё же текст оставался общегерманским символом. Эта же строфа являлась гимном Германии при нацистском режиме (наряду с «Песней Хорста Весселя»), поэтому люди в наше время неотъемлемо ассоциируют её с шовинизмом и фашизмом. Даже сейчас, когда в Германии проводятся протестные акции определёнными группами людей против «исламизации» Европы, исполняется непосредственно первая строфа «Немецкой песни», провозглашающая интересы страны первостепенными. В данном случае под «интересами» стоит понимать сохранение немецкой культуры, свойственных ей особенностей, ценностей, нравственных ориентиров и идеалов. Похожим примером в отношении «табуирования» строк гимна может служить и гимн СССР, поскольку в нём, после «разоблачения культа личности Сталина»,

строки «Нас вырастил Сталин – на верность народу» в новую версию текста не вошли.

В тексте поэт восхваляет вино, которое может рассматриваться не только как напиток, но и как метафора, библейский образ, символизирующий кровь Иисуса. Песнь как один из древнейших поэтических жанров, в особенности как часть устного народного творчества несёт в себе глубокое, традиционное, даже сакральное значение. В тоже время, сочетание вина и песни в едином контексте подразумевает празднество, торжество жизни и гедонизм. Своего рода девиз «Вино, женщины и песня» (англ. “Wine, women, and song”, нем. “Wein, Weib und Gesang”) является оплотом гедонистического стиля жизни. Мы с полной уверенностью можем считать данное устойчивое выражение культуронимом. Автор использует метафору, когда уподобляет полионимы (женщины, верность, вино и песня) звучанию, звуку, что в свою очередь символизирует жизнь, существование, благополучие (“der Klang” – “sollen in der Welt behalten /ihren alten schönen Klang”). В данном контексте употребление глагола долженствования “sollen” скорее соответствует русскому аналогу «пусть», выражая желание, мечту. Именно выделенные понятия немецкой культуры должны вдохновлять на brave, ратные, благородные поступки (“uns zu edler Tat begeistern / unser ganzes Leben lang”), что создаёт архетипические образы воина, морально поддерживаемого его спутницей, песен перед сражением и после, вина как неотъемлемой части праздника, победы.

Поскольку гимн адресован общности людей и его цель, как правило, их сплотить, то зачастую используют местоимение 1 л. мн. ч. «мы», «нас» (“uns”) и притяжательные местоимения «наш» (“unser”), «все» (“alle”) частотны также существительные и прилагательные, вроде «братство», «братский» (“brüderlich” упоминается в тексте дважды), «единство», «отечество» (“Vaterland”), «общность» (“Einigkeit”), глаголы подобной семантики (например, zusammenhalten – «держаться вместе», «сближать», «стоят друг за друга», где приставка “zusammen” означает «вместе», «совместно», «воедино»), индикаторы принадлежности к определённой группе людей, нации, например,

упоминание страны (“Deutschland”) или использование прилагательного «немецкий» (“deutsch”). Стоит также отметить, что русское слово «Германия» выступает как экзоним (топоним или этноним, не употребляющийся определённым народом, но используемый по отношению к нему внешними сообществами) применительно к немецкому эндониму или самоназванию “Deutschland” (тоже самое можно сказать и о прилагательных «немецкий» и “deutsch”).

Строка “Einigkeit und Recht und Freiheit” неотъемлемо ассоциируется с гимном и уже стала синонимом государственности, олицетворяя идеалы общественного строя и демократии. Согласно данным Корпуса немецкого языка, достаточно часто данные слова употребляются в этой комбинации, став уже своеобразным девизом, кредо (URL: <https://www.dwds.de>). Автор призывает стремиться к указанным в тексте идеалам (“Danach lasst uns alle streben”), используя при этом выражение, которое дословно переводится «сердцем и рукой» (“brüderlich mit Herz und Hand”). В данном случае «сердце» выступает как метафора и несёт значение «центра чувства, душевных побуждений и характерных свойств человека» (“Zentrum des Gefühls, der seelischen Regungen und charakterlichen Eigenschaften beim Menschen”); «руку» же можно интерпретировать как рабочую силу (“Arbeitskraft”) и физический труд. Отсюда и устойчивое выражение в немецком языке – “mit Herz und Hand” или “mit Herz und Hirn”, то есть всем своим существом, всем сердцем, всей душой. Кроме того, автор «Немецкой песни» уподобляет «общность, право и свободу» (“Einigkeit und Recht und Freiheit”) залогом счастья (“sind des Glückes Unterpfand”), благополучия, которое он также метафорично описывает как блеск, сияние (“blüh im Glanze dieses Glückes”). В данном случае архетипически автор сравнивает Германию с растением, говоря о цветении (“blühe, deutsches Vaterland”). У повелительного наклонения в немецком языке одна из особенностей – возможность опустить окончание “e” у глагола. Так, для создания благозвучия, автор прибегает к приёму ассонанс: например, он не использует “e” в строчке “blüh im Glanze dieses Glückes”, таким образом, акцент

ставится на умлаут “ü” в словах “blüh” и “Glückes”, а в строчке “blühe, deutsches Vaterland”, произносится не только умлаут “ü”, но и “e”, что созвучно с буквосочетанием “eu” в слове “deutsches”. Как следствие, пропеть обе строчки занимает одинаковый промежуток времени, что зависит от количества гласных, поэтому не сбивается и общая ритмика композиции.

Если мы обратимся к оппозиции «маскулинность – фемининность», то в данном тексте выделяются слова, которые внутренней формой указывают на отношение к мужскому полу (“brüderlich”, “Vaterland”). Это деление ещё больше усиливает апеллирование к женщинам (“Deutsche Frauen”) – всё это создаёт впечатление, что текст написан мужчиной.

2.6 Анализ гимна Российской Федерации

В гимне Российской Федерации возвеличивание страны и выделение ей особого места в мире и душе каждого гражданина осуществляется посредством использования таких прилагательных, как: «священный», «любимый», «могучий», «великий», «свободный», «вековой», «народный», «братский», «широкий» (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Е). Автор гимна прибегает к географическим идионимам, описывая просторы родной страны, только границы государства указаны менее конкретно, чем в «Песни немцев» («От южных морей до полярного края/ Раскинулись наши леса и поля»).

В гимне РФ поэт уделяет особое внимание связи с предками и историей, а также единству и братству («Братских народов союз вековой,/ Предками данная мудрость народная!»). Размышляя о достоянии своей страны, поэт также упоминает «могучую волю», «великую славу», связь с Богом («Хранимая Богом родная земля!» – религиозный идионим) и «верность» (выступает как ключевой концепт большинства гимнов, так как верность отечеству и патриотизм воспринимается во многих культурах как идеал и должное). Примечательно, что в гимне упоминается Бог спустя семидесятилетнее существование СССР.

Вероятно, поэт хотел подчеркнуть родство современных жителей России с теми, кто жил в Российской империи (а не только в Советском Союзе, ведь текст современного гимна созвучен с советским текстом и исполняется под ту же музыку) и для кого вера была неотъемлемой частью жизни.

В гимне Российской Федерации поэтически обыгрывается то, что слово «Россия» – женского рода. Поэт наделяет её человеческими чертами, душой и по отношению к ней использует слова ж. р. («держава», «страна»), а обращается исключительно на «ты». Благодаря этому Родина уподобляется женщине: «Могучая воля, великая слава – / Твоё достоянье на все времена!»; «Одна ты на свете! Одна ты такая».

2.7 Анализ гимна “Horst-Wessel-Lied”

Приход нацистов к власти в Германии ознаменовался пропагандой и на уровне государственного гимна. Мы уже говорили о том, что в этот период использовалась первая строфа «Немецкой песни», а за ней следовала «Песня Хорста Весселя» (“Horst-Wessel-Lied” или “Die Fahne hoch”), которая с 1929 года была маршем Штурмовых отрядов (СА), а с 1930 по 1945 являлась официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Композиционная структурированность и особая ритмика, а также повторение глагола “marschieren” (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Ж), действительно создаёт имитацию звука шагов во время марша, придавая гимну некий дух торжественности и парада (неоднократное использование существительного “die Reihen” – ряды). Автор прибегает к приёму аллитерации при повторении столь характерного для немецкого языка буквосочетания “sch”, например, в строчке “SA marschieret mit ruhig festem Schritt”. В данном случае задействован также метонимический перенос, потому что “SA” – это сокращение от “Sturmabteilung” (Штурмовой отряд) или наслоение звука “r” в “Kam’raden, die Rotfront und Reaktion

erschossen”. Настроение парада и марша продолжается также в строке “Zum letzten Mal wird zum Appell geblasen”, что можно перевести как «в последний раз прозвучит призыв», где глагол “blasen” переводится как «трубить», «дуть», «играть (на духовом музыкальном инструменте)», а далее следует строка “Zum Kampfe steh’n wir alle schon bereit”. По своей риторике они очень напоминают «Интернационал» с его призывом к «последнему и решительному бою».

В первой строфе мы также видим противостояние политических сил: “Kam’raden, die Rotfront und Reaktion erschossen” (“Kam’raden” в качестве обращения выступает как инокультурный разговорный этикет), где “die Rotfront” (культуроним, исторический ксеноним переводится как «Союз красных фронтовиков» – коммунистическая и боевая организация) и “die Reaktion” – реакционеры, которые убили «товарищей» из штурмовых отрядов НСДАП.

В гимне «Песня Хорста Весселя» выделяются назывные предложения, как правило, восклицательные, и эксclamативы, которые придают значение императивности, например, “Die Fahne hoch!”, “Die Straße frei den braunen Bataillonen, /Die Straße frei dem Sturmabteilungsmann!”. Приведённые строки особенно интересны для лингвокультурологического анализа. Так, культуроним “die braunen Bataillonen”, то есть коричневые батальоны или «коричневорубашечники», названы так по цвету униформы штурмовых отрядов. При использовании политического ксенонима “der Sturmabteilungsmann” автор прибегает к метонимическому переносу, когда говорит об одном рядовом (“der Mann”), подразумевая всех солдат из штурмовых отрядов. Мы также можем обратить внимание на элемент маскулинности в данном составном существительном, что с одной стороны говорит об особенностях языка (в немецком “der Mann” означает не только «мужчина», но и «человек», хотя для понятия «человек» в современной немецкой культуре могут использоваться “der Mensch” или “die Person”), а с другой может намекать на положение женщин в обществе (в штурмовые отряды их точно не допускали).

В строке “Es schau’n aufs Hakenkreuz voll Hoffnung schon Millionen” местоимение “es” не заменяет подлежащее (“die Millionen”), но используется при обратном порядке слов в предложении, таким образом, автор расставляет необходимые акценты при инверсии и смещает внимание с подлежащего на дополнение (“aufs Hakenkreuz”). Здесь мы также наблюдаем агитацию через апеллирование к массам, попытка убедить людей в том, что данную идеологию приняли уже миллионы людей, что она дарит им надежду. Стоит отметить и наличие культуронима (политического ксенонима) “das Hakenkreuz”, который дословно переводится как «крючковатый крест» (от “der Haken” – «крючок» и “das Kreuz” – «крест») или «свастика». Примечательно разделение понятий “das Hakenkreuz” и “die Swastika”, и что в нацистской идеологии для названия древнейшего знака был выбран именно первый вариант. Так, если мы обратимся к Национальному корпусу, то для слова “die Swastika” в определении не указана какая-либо связь знака с символикой Третьего Рейха («древнейший символ счастья в форме солнечного колеса, крючкообразный крест» – “altindisches Glückssymbol in Form eines Sonnenrades, Hakenkreuzes”). В то время как для “das Hakenkreuz” в коннотациях описано не только, как выглядит этот знак, но и то, что он был символом НСДАП, что в немецком сознании установило сильную ассоциацию с нацистским режимом.

В корпусе также предложены слова, которые часто встречаются с “das Hakenkreuz” в одном контексте: нарукавная повязка (“die Armbinde”), звезда Давида (“der Davidstern”), надгробие (“der Grabstein”), (нацистские) лозунги (“die (Nazi)Parolen”), имперский орёл (“der Reichsadler”), руны СС (“die SS-Runen”), стальной шлем (“der Stahlhelm”), фотографии Гитлера (“die Hitlerbilder”) замазывать (“beschmieren”), зачёркивать (“durchstreichen”), нарисовать (“aufmalen”), нацарапать (“ritzen”) и т.д. (URL: <https://www.dwds.de>). Можно сделать вывод: подобно тому, как в нашем сознании под «серпом и молотом» закрепилось представление о Советском Союзе, так и в немецкой культуре под “das Hakenkreuz” предстаёт как атрибут нацизма.

Далее, что весьма характерно для такого рода идеологических гимнов, автор описывает будущее, которое восторжествует с приходом режима Гитлера: “Der Tag für Freiheit und für Brot bricht an”. Вероятнее всего, исследователь В. В. Кабакчи отнёс бы «хлеб» (“das Brot”) к полионимам, так как данный «универсальный культуроним» представлен в значительно количестве культур, в первую очередь европейских, христианских. Лингвокультуролог В. А. Маслова относит «хлеб» к архетипам и символам (Маслова В. А. Лингвокультурология. С. 39). Следуя библейской традиции, хлеб выступает как символ жизни или источника сил для духовной жизни, а в языческой традиции как символ солнечного Бога, божественный дар, олицетворяющий тесную связь человека с землёй. Таким образом, людям обещают не только «свободу», но и «хлеб», «пропитание», «средства к существованию», «благополучие» (в Корпусе немецкого языка используют слово “Lebensunterhalt” как одну из коннотаций “das Brot”) (URL: <https://www.dwds.de>).

В тексте «Песня Хорста-Весселя» автор использует политический ксеноним “Hitlerfahnen” (знамёна Гитлера) в строке “Bald flattern Hitlerfahnen über allen Straßen”, где отчётливо выделяется образ «вождя» и определённая атрибутика партии. В предложении “Die Knechtschaft dauert nur noch kurze Zeit!”, где “die Knechtschaft” означает «кабала», рабство» также просматривается очевидное сходство с «Интернационалом», где также провозглашаются идеи освобождения от рабства, достойная жизнь народа с образование нового политического строя: «Вставай, проклятым заклеимённый,/ Весь мир голодных и рабов», «Добьёмся мы освобожденья», «Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой» и т.д. (Тексты песен [сайт]. URL: <http://texty-pesen.ru>).

2.8 Анализ гимна «Рабочая Марсельеза»

«Рабочая Марсельеза» (1917) выступила в качестве революционной песни на мелодию французского гимна («Марсельеза») и ознаменовала начало новой эпохи. В гимне «Рабочая Марсельеза» куётся образ врага: особо страшными злодеями становятся «богачи-кулаки» («Богачи-кулаки жадной сворой/ Расхищают тяжёлый твой труд») (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения И). Примечательно то, какую метафору использует автор, уподобляя «богачей-кулаков» (что также является политическим идионимом) «жадной своре», собакам или волкам, готовым нам всё ради собственной сытости, удовлетворения, выгоды, не знающим добродетели или милосердия («жадный») – очень яркий, и в то же время негативный образ. Поэт также выбирает глагол далеко не с нейтральной окраской: «расхищать», которое неминуемо создаёт образ безжалостного ястреба или стервятника.

Однако на это описание врагов и антагонистов не заканчивается. При помощи стилистических приёмов автор пытается вызвать ненависть и отвращение к этим людям, описывая их греховность, изменчивость, подлость, жадность, алчность, чревоугодие: «Твоим потом жиреют обжоры,/ Твой последний кусок они рвут./ Голодай, чтоб они пировали,/ Голодай, чтоб в игре биржевой/ Они совесть и честь продавали, /Чтоб глумились они над тобой». Помимо унижающего «обжоры», автор использует и пренебрежительное «жиреют», причём «потом» (символ тяжёлого труда, ведь протагонистом в произведении выступает пролетариат, «рабочий народ», крестьяне; в «Интернационале» как «работники всемирной великой армии труда» ([URL: http://texty-pesen.ru](http://texty-pesen.ru))), буквально создавая образ свиней. Стоит отметить, что слово «свинья» по отношению к человеку является оскорбительным в русской, английской и немецкой культурах (сравним англ. “greedy pig” – жадная свинья, англ. “swine”, нем. “das Schwein”). Глагол «рвать» является нейтральным по своей сути, но здесь он получает негативную коннотацию, означая «лишать последнего», «отбирать всё», «оставлять ни с чем». Именно использование его

вместе со словосочетанием «последний кусок» (неотъемлемо возникают ассоциации с хлебом как архетипом) наделяет глагол таким значением, создавая сильный контраст голода и обжорства, пира в процитированных строчках. Это рисует чёткую картину социальной несправедливости, классового расслоения общества, превосходства одних над другими («Тебе отдых – одна лишь могила./ Весь свой век недоимку готовь»), чему обещает положить конец новый режим. Использование местоимения «ты» делает текст персональным и диалогичным, ведь обращаются именно к «тебе», «страждущему» и нуждающемуся в помощи и поддержке («Мы пойдём к нашим страждущим братьям,/ Мы к голодному человеку пойдём»).

Абсолютным злом и ненасытным кровопийцей выступает не кто иной, как метафорический «царь-вампир»: «Царь-вампир из тебя тянет жилы,/ Царь-вампир пьёт народную кровь». Таким образом, автор текста прибегает к мифологемам и архетипам, персонажам из сказок и поверий (царь-вампир, войска, война, роскошные пиры, богатое убранство царских чертогов): «Ему нужны для войска солдаты –/ Подавайте ему сыновей. /Ему нужны пиры и палаты –/ Подавай ему крови своей». Избранная поэтом лексика создаёт образ алчного до крови монстра, которому простой народ вынужден повиноваться (использование императивов усиливает эффект сказанного).

Очевидное сходство имеет «Песня Хорста-Весселя» с «Рабочей Марсельезой», поскольку текст не ограничивается лишь описанием тёмных сил и «врагов России», но также призывает к решительным действиям: «На борьбу мы его [люди] поведём», «Встанем, братья, повсюду зараз –/ От Днепра и до Белого моря,/ И Поволжье, и Дальний Кавказ», «Бей, губи их, злодеев проклятых,/ Засветись, новой жизни заря» (изобилие географических идионимов). Более того, как и в гимне НСДАП, радужную картину будущего рисуют и в гимне «Рабочая Марсельеза»: «И взойдёт за кровавой зарёю/ Солнце правды и братской любви» («кровавая заря» перифраз Революции и Гражданской войны, а «солнце правды» вероятнее всего представляет собой коммунизм), купленное кровью «счастье». Поэт поистине создаёт утопическое

и идеалистическое видение «братского» мира после жестоких расправ: «И настанет година свободы:/ Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,/ И сольются в одно все народы/ В вольном царстве святого труда». Примечательно употребление прилагательного «святой», которое имеет явную религиозную коннотацию. Однако не автор гимна наделил труд святостью: так было испокон веков в крестьянской культуре («Богу молись, а сам трудись!», «Что потрудимся, то и поедим», «Всякое уменье трудом дается», «Труд человека кормит, а лень портит», «Бог труды любит» и многие другие). В тот переломный момент эпох, человека постарались лишить Бога, оставив ему в утешение только труд и усердие: вера в Господа сменилась марксистско-ленинской идеологией.

В отношении Бога в гимне «Интернационал», например, прямым образом выражено следующее: «Никто не даст нам избавленья:/ Ни бог, ни царь и ни герой./ Добьёмся мы освобожденья/ Своею собственной рукой». В этом позиция автора предельна ясна и понятна. Также в тексте мы находим практически идентичный образ для описания безоблачного будущего – солнце («Для нас всё так же солнце станет/ Сиять огнём своих лучей») и для врагов – «свора псов и палачей». В целом, мир в этих двух гимнах до простоты разделён на царское прошлое и коммунистическое будущее, на положительных и отрицательных героев (URL: <http://texty-pesen.ru>).

Интересно также выделить тематический блок, связанный с представлением автора о царском строе, в тексте гимна «Рабочая Марсельеза»: «старый мир», «прах», «богачи-кулаки», «зло», «жадная свора», «царский чертог», «тяжёлый труд», «пот», «последний кусок», «голод», «отдых – могила», «недоимка», «кровь», «вечное горе», «проклятые злодеи», «ложь», «враги». Тогда как тематический блок коммунизма предстаёт совершенно иначе: «лучшая жизнь», «заря жизни», «солнце правды», «братская любовь», «счастье земли», «година свободы», «правда», «добро», «вольное царство», «святой труд».

2.9 Анализ гимна “Auferstanden aus Ruinen”

«Возрождённая из руин» (нем. *Auferstanden aus Ruinen*) – государственный гимн Германской Демократической Республики. Текст был написан в 1949 году Иоганнесом Бехером, членом Социалистической единой партии Германии, в дальнейшем ставшим министром культуры ГДР и президентом Академии искусств ГДР. С 70-х годов гимн исполнялся без слов, потому что упоминание о «единой Германии» начало идти вразрез с политикой государства. В непростое послевоенное время Германию разделили на четыре зоны оккупации, что позже переросло в фактическое существование двух государств: ФРГ и ГДР. В 1949, году написания гимна, немцы искренне верили в идею воссоединения, хотя первоначально в конституциях двух государств даже не было разделения, а существовала единая Германия, единый народ и одно гражданство.

После всех драматических событий первой половины XX века стране предстоял долгий путь самоопределения, переосмысления произошедшего, принятия исторических уроков и поиска решений, буквально «возрождения из руин», как сказано в тексте (“*auferstanden aus Ruinen*” дословно переводится как «возрождённая из руин» – один из приёмов персонификации). Автор создаёт новый и светлый образ Германии, той, которая ступит в XXI век, оставив тёмные следы уже позади. Поэт говорит, что страна обращена к будущему (“*der Zukunft zugewandt*” – также олицетворение (этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения К)), и немецкий народ стремится служить ей во благо: “*laß uns Dir zum Guten dienen*”. Примечательно употребление местоимения “*Dir*” (тебе) по отношению к стране (вспомним и об обращении к монарху в императорском гимне), которое можно определить как неформальное, а в этом контексте и «дружеское», но при этом автор капитализирует первую букву, выражая свой почёт, уважение, отдавая должное Отечеству (“*Deutschland, einig Vaterland*”). Таким образом, если мы сравним этот текст с императорским гимном, то обнаружим, что служение Кайзеру, а

через него и империи, сменилось на службу стране, на вновь обретённую мечту о воссоединении и новой жизни. Это грядущее «новое» воплощается в преодолении «старой беды» (“Alte Not gilt es zu zwingen” – в данном случае глагол “zwingen” переводится как «преодолевать», «справляться», хотя в Корпусе немецкого языка эта коннотация носит разговорный характер; конструкция “es gilt zu + inf.” имеет оттенок долженствования, необходимости). Достижение успеха возможно только общими усилиями, совместно (“und wir zwingen sie vereint” – создание единства повторения глагола для усиления сказанного; “denn es muß uns doch gelingen”) – только выполнение этого условия вернёт, вероятно, отвернувшееся солнце, и оно засияет по-новому над немецкой землёй (“daß die Sonne schön wie nie/ über Deutschland scheint” – солнце выступает как символ надежды, лейтмотивом проходящий через весь текст). В тексте также нет ни одного упоминания о Боге, что можно считать закономерным (поэт – член социалистической партии). Автор желает своей стране возыметь счастье и мир, используя высокую лексику: “Glück und Frieden sei beschieden” (глагол “bescheiden” означает «даровать», «ниспослать»), при этом не никаких третьих лиц или апеллирования к року, скорее искреннее пожелание того, чего страна может добиться усилиями народа.

Тема мира также является сквозной в тексте: “Alle Welt sehnt sich nach Frieden,/ reicht den Völkern eure Hand” (приём метонимического переноса с одной стороны (с людей на мир), и олицетворения с другой (мир тоскует)). В немецком языке для понятий «мир» как планета или всё на свете и «мир» как отсутствие войны существует два различных слова: “die Welt“ и “der Frieden“, в то время как в русском языке они являются омонимами. Поэт утверждает, что все люди хотят жить в согласии, они тоскуют по «тихому» небу над головой, но для этого им нужно протянуть руки навстречу друг другу (символ поддержки, содействия: сравним с выражением «протянуть руку помощи» – “hilfreiche Hand bieten”, “Bruderhand reichen”). Создатель текста призывает людей объединиться как братьям (“Wenn wir brüderlich uns einen” – классические приёмы для создания единства в гимнах; глагол “einen” в корпусе немецкого

языка имеет помету «поэтическое», «возвышенное»), чтобы побороть «народного врага» (“schlagen wir des Volkes Feind” – метафора: подразумевается война). Этому тёмному образу автор противопоставляет метафору «свет мира»: “Laßt das Licht des Friedens scheinen”, ведь в этом благословляющем на жизнь свете матери никогда не придётся оплакивать своего сына (“daß nie eine Mutter mehr/ ihren Sohn beweint”).

Чтобы создать новый мир, нужно вновь его выстроить, о чём так вдохновенно рассуждает поэт: “Laßt uns pflügen, laßt uns bauen”. Данную строку можно перевести как «Давайте пахать, давайте строить» – энергичный призыв к действию. Глагол «пахать» (“pflügen”) отсылает нас к аграрному производству, возделыванию земли. Однако с точки зрения культуры интересно отметить: если в русском языке употребить это слово в просторечном смысле, оно означает «работать много, на совесть, не покладая рук», тогда как в немецком языке в переносном смысле “pflügen” – «делать бесполезную работу, заниматься тщетным трудом» (URL: <https://www.dwds.de>). Поэт также призывает учиться и трудиться как никогда раньше (“lernt und schafft wie nie zuvor”), потому что всё в руках человека, и воля, и способность порождают новую жизнь (“und der eignen Kraft vertrauend/ steigt ein frei Geschlecht empor”). Такая антропоцентрическая модель, вера в «собственные силы» и усердие станут основой для нового свободного поколения (говоря об этом, поэт использует в фигуральном смысле глагол “steigen” – поднимать).

Помимо всего перечисленного, автор прибегает к многократным повторениям как стилистическому методу, особенно это касается эпитеты: “Und die Sonne schön wie nie/ über Deutschland scheint,/ über Deutschland scheint” (эти строки венчают две строфы гимна), “daß nie eine Mutter mehr/ ihren Sohn beweint,/ ihren Sohn beweint”. Данный приём создаёт особую мелодику и ритмику текста. Идея нового начала автор воплощает благодаря таким словам, как, например, “der Frieden” (мир), “das Licht” (свет), “die Sonne” (солнце), “neues Leben” (новая жизнь), “gelingen” (удаваться), “zwingen” (преодолевать) и т.д.

2.10 Анализ гимна “Flower of Scotland”

Текст патриотической песни «Цветок Шотландии» связан с битвой при Бэннокберне в 1314 году, когда король Шотландии Роберт I Брюс разгромил армию английского короля Эдварда II, и это обеспечило независимость Шотландии. Событие, произошедшее в XIV веке всё ещё живо в памяти шотландцев и, вероятно, является частью их национального самосознания.

Создавая некую цикличность повествования, поэт в каждой строфе повторяет строки “And stood against him,/ Proud Edward's Army,/ And sent him homeward,/ To think again”(этот пример, как и последующие в данном пункте, взят из Приложения Л), когда говорит о гордой армии английского короля, которого brave шотландские воины отправили домой «подумать ещё раз», стоит ли ему даже пытаться поработить эти земли. Автор тоскует по тому героическому и бесстрашному духу, какой имела Шотландии (“When will we see/ Your like again”). Он сравнивает страну с образом цветка – чертополоха – эмблемы страны, ради которого сражались и погибали (“That fought and died for”), ради милых сердцу небольших холмов и лощин (“Your wee bit Hill and Glen” – здесь представлены слова шотландского языка: “wee” – крошечный, маленький, “glen” – вид узкой долины). Но теперь настали мрачные дни, холмы опустели (“The Hills are bare now”), пришла долгая осень, шотландская земля словно бы обрела лик безжизненный и потерянный (“O'er land that is lost now”).

Несмотря на то, что гимн пропитан грустью и ностальгией, поэт утверждает, что прошлое должно остаться в прошлом («Those days are past now,/ And in the past/ they must remain»). Однако он верит, что Шотландия может воспрянуть и они вновь будут считать себя нацией: “But we can still rise now,/ And be the nation again”. Этой надежде, а главное стремлению вновь «подняться» нельзя позволить покинуть сердца, особенно в самые сложные времена, о чём и говорят поэты немецкого и шотландского гимнов.

2.11 Анализ гимна СССР

РСФСР сплотила вокруг себя остальные республики Советского Союза, об этом упоминается в первом куплете гимна: «Союз нерушимый республик свободных/ сплотила навеки Великая Русь», что не претерпело изменений и во второй редакции гимна (Приложения М и Н). Автор возвращает нас к истокам русской истории, заменяя РСФСР на «Великую Русь». Припев же начинается с повелительного предложения: «Славься, Отечество наше свободное/ дружбы народов надёжный оплот!» (Приложения М и Н). Эти строки содержат в себе коммунистический идеал дружбы народов, объединяющего людей труда.

Продолжение припева во втором варианте звучит следующим образом: «Партия Ленина – сила народная/ нас к торжеству коммунизма ведёт» (Приложение Н). Тогда как в первом: «Знамя советское, знамя народное/ пусть от победы к победе ведёт!» (Приложение М). Это обусловлено тем, что в первый вариант гимна был принят в 1943 году, когда война всё ещё была неотъемлемой частью жизни людей, поэтому гимн был призван приободрять народ, вселять силу («Мы армию нашу растили в сраженьях./ Захватчиков подлых с дороги сметём!/ Мы в битвах решаем судьбу поколений,/ Мы к славе Отчизну свою поведём!») (Приложение М). В то время как вторая версия гимна вышла в 1977 году, в новую веху истории Советского Союза, когда предполагалось воплотить коммунизм в жизнь. Также восхваляется фигура Ленина как прародителя Советского Союза, «отца Революции»: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,/ И Ленин великий нам путь озарил:/ На правое дело он поднял народы,/ На труд и на подвиги нас вдохновил!», «В победе бессмертных идей коммунизма/ Мы видим грядущее нашей страны» (Приложение Н). Если в отредактированном варианте прославляют только личность Ленина, в первой версии вместо строки «На правое дело он поднял народы» присутствовало упоминание о Сталине: «Нас вырастил Сталин – на верность народу» (Приложение М). Как уже было сказано, это связано с периодом осуждения культа личности Сталина во время правления Хрущёва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя лингвокультурный анализ текстов государственных гимнов, мы пришли к выводу, что данные тексты богаты культурной информацией, могут многое рассказать о народе, его характере и истории. Текст гимна воплощает в себе национальную идею, символ страны, народную память. Именно гимны наделены особенной силой, их содержание изобилует поэтичностью и символичностью, они отражают политические, экономические, социальные и духовные изменения, настроения в обществе, мировосприятие народа, ценности, традиции, самобытность. Исполнение гимна выступает как ритуал, призванный объединять людей, вселять силу словом любви к родной земле.

Для того чтобы выявить культурную информацию в текстах, мы задействовали ряд методов, используемых при лингвокультурном анализе. Стоит отметить, что обращение к национальным корпусам языка, этимологическим и толковым словарям, анализ исторического контекста и личности автора, выявление средств художественной выразительности, культуронимов, образов, символов и архетипов, а также сравнительно-сопоставительный анализ гимнов оказались продуктивными подходами при исследовании гимнов.

В силу того, что каждый гимн был создан в разные эпохи, ценности и акценты в текстах значительно смещались. Как мы уже отмечали, в императорских гимнах (“*Heil dir im Siegerkranz*”, «Боже, Царя храни!») главной фигурой предстával государь, к которому у народа уважительное и смиренное отношение как к вершителю судеб и посланнику Бога. Однако, в текстах «Молитва русских» и “*God save the Queen*” образ Бога как бы превосходил образ государственного владыки, поскольку именно он даровал жизнь, хлеб, победы, утешение.

В гимнах революционных и идеологических (“*Horst-Wessel-Lied*”, «Рабочая Марсельеза») особенно ярко заметен сдвиг в приоритетах народа, в

стремление к изменениям, в тенденциях к свержению старой власти, в наличии обещаний лучшей жизни и благополучия.

К гимнам на стыке эпох можно было бы отнести “Auferstanden aus Ruinen” и гимн Российской Федерации. Первый текст имеет выраженный пацифистский характер и являет собой переживания и чувства немцев, веру в светлое будущее страны, в то, что ужасы XX века больше никогда не повторятся, а гимн РФ подводит некий итог, сказанному ранее в гимне СССР, и знаменует собой начало новой вехи в истории России. Особенно ярко мы можем проследить национальную идею в гимнах “Deutschlandlied” и “Flower of Scotland”, так как они воплощают собой народное самосознание, выступают как символ отождествления гражданина со своей страной.

Исследуя данную тему, мы также убедились, как важно для народа иметь свой национальный гимн, который способен донести миру устремления и ценности их страны. Гимн выступает как один из символов общности, благодаря которому человек единит себя с Родиной и народом. Он также нацелен на стабильное существование власти, укрепляя приверженность граждан государственной системе. В конечном счёте, гимн призван вызывать воодушевление, чувство любви и гордости за страну.

Таким образом, гимн как текст, как продукт языка, помещённый в конкретный временной промежуток, включающий в себя социальные, духовные, экономические и политические характеристики способен достаточно явно продемонстрировать некоторые стороны жизни людей, особенности их быта, мирозерцания и самоидентификации. В каком-то роде гимн предстаёт как исторический документ, способствующий в познании национальной картины мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] : учеб. пособие / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- 2 Верещагин, Е. М. Язык и культура [Текст] : учеб. пособие / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
- 3 Верещагин, Е. М. Язык и культура [Текст] : учеб. пособие / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
- 4 Воробьёв, В. В. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие / В. В. Воробьёв. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. – 330 с.
- 5 Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос [Текст] : учеб. пособие / Г. Д. Гачев. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
- 6 Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/encyclopedia>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
- 7 Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] : учеб. пособие / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
- 8 Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] : учеб. Пособие / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
- 9 Зотеева, Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса [Текст] / Т. С. Зотеева // Политическая лингвистика. – 2013. – С. 133-143.
- 10 Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации [Текст] : учеб. пособие / В. В. Кабакчи. – Спб.: РГПУ им А.И. Герцена, 1998. – 232 с.
- 11 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : учеб. пособие / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 399 с.
- 12 Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] : учеб. пособие / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

13 Красных, В. В. Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры [Текст] / В. В. Красных // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – С. 106-110.

14 Куликов, Д. К. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа и её методологическая оценка в работах М. К. Петрова [Текст] / Д. К. Куликов // Политическая концептология. – 2012 – №2. – С. 189-199.

15 Маковский, М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры [Текст] / М. М. Маковский. – М.: «Азбуковник», 2004. – 630 с.

16 Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

17 Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре [Текст] : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

18 Национальный корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем.

19 Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://terme.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

20 Норман, Б. Ю. К соотношению семантической и сигматической информации в плане содержания слова (на материале славянских языков) [Текст] / Б. Ю. Норман // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур. – 2011. – С. 307-318.

21 Онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

22 Потеня, А. А. Собрание трудов. Мысль и язык [Текст] : учеб. пособие / А. А. Потеня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

23 Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] : учеб. пособие / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

24 Тексты песен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://texty-pesen.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

25 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] : учеб. пособие / В. Н. Телия. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.

26 Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/ Slovo, 2000. – 259 с.

27 Умярова, Л. Н. Лингвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран [Текст] / Л. Н. Умярова, В. Д. Шевченко // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 4. – С. 32-35.

28 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

29 Фёдоров, М. А. От лингвистической относительности к относительности культурной [Текст] / М. А. Фёдоров // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №3. – С. 181-185.

30 Хорошкевич, А. Л. Герб, флаг и гимн. Из истории государственных символов Руси и России [Текст] : учеб. пособие / А. Л. Хорошкевич. – М.: Время, 2008. – 190 с.

31 Чельшев, Е. П. Государственный гимн как феномен государственной символики: к вопросу о русской национальной идее [Текст] / Е. П. Чельшев // Пространство и время. – 2012. – С. 146-151.

32 Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

33 Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Уорф // Языки как образ мира : сб. /под ред. К. Королева. – Спб.: Terra Fantastica, 2003. – 568 с.

34 Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Текст гимна “Heil dir im Siegerkranz”

Heil dir im Siegerkranz,
Herrscher des Vaterlands!
Heil, Kaiser, dir!
Fühl in des Thrones Glanz
Die hohe Wonne ganz,
Liebling des Volks zu sein!
Heil Kaiser, dir!

Nicht Roß, nicht Reißige
Sichern die steile Höh',
Wo Fürsten steh'n:
Liebe des Vaterlands,
Liebe des freien Manns
Gründen den Herrscherthron
Wie Fels im Meer.

Heilige Flamme, glüh',
Glüh' und erlösche nie
Fürs Vaterland!
Wir alle stehen dann
Mutig für einen Mann
Kämpfen und bluten gern
Für Thron und Reich!

Handel und Wissenschaft
Heben mit Mut und Kraft
Ihr Haupt empor!
Krieger- und Heldentat
Finden ihr Lorbeerblatt
Treu aufgehoben dort,
An deinem Thron!

Dauernder stets zu blüh'n
Weh' unsre Flagge kühn
Auf hoher See!
Ha, wie so stolz und hehr
Wirft über Land und Meer
Weithin der deutsche Aar
Flammenden Blick.

Sei, Kaiser Wilhelm, hier
Lang' deines Volkes Zier,
Der Menschheit Stolz!
Fühl' in des Thrones Glanz,
Die hohe Wonne ganz,
Liebling des Volks zu sein!
Heil, Kaiser, dir!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Текст гимна “God Save the Queen”

God save our gracious Queen!

Long live our noble Queen!

God save the Queen!

Send her victorious,

Happy and glorious,

Long to reign over us:

God save the Queen.

Thy choicest gifts in store,

On her be pleased to pour;

Long may she reign:

May she defend our laws,

And ever give us cause

To sing with heart and voice

God save the Queen!

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Текст гимна «Молитва русских»

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю -
Всё ниспошли!

Перводержавную
Русь православную
Боже, храни!
Царство ей стройное!

В силе спокойное!
Всё ж недостойное
Прочь отжени!

О, Провидение!
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Текст гимна «Боже, царя храни!»

Боже, Царя храни!

Сильный, державный,

Царствуй на славу, на славу нам!

Царствуй на страх врагам,

Царь православный!

Боже, Царя храни!

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Текст гимна “Deutschlandlied”

Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt,
Wenn es stets zu Schutz und Trutze
Brüderlich zusammenhält,
Von der Maas bis an die Memel,
Von der Etsch bis an den Belt –
Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt!

Deutsche Frauen, deutsche Treue,
Deutscher Wein und deutscher Sang
Sollen in der Welt behalten
Ihren alten schönen Klang,
Uns zu edler Tat begeistern
Unser ganzes Leben lang –
Deutsche Frauen, deutsche Treue,
Deutscher Wein und deutscher Sang!

Einigkeit und Recht und Freiheit
Für das deutsche Vaterland!
Danach lasst uns alle streben
Brüderlich mit Herz und Hand!
Einigkeit und Recht und Freiheit
Sind des Glückes Unterpfand –
Blüh' im Glanze dieses Glückes,
Blühe, deutsches Vaterland!

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Текст гимна Российской Федерации

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твоё достоянье на все времена!

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу даёт наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Текст гимна “Horst-Wessel-Lied”

Die Fahne hoch! Die Reihen fest geschlossen!

SA marschiert mit ruhig festem Schritt.

Kam’raden, die Rotfront und Reaktion erschossen,

Marschier’n im Geist in unser’n Reihen mit.

Die Straße frei den braunen Bataillonen,

Die Straße frei dem Sturmabteilungsmann!

Es schau’n aufs Hakenkreuz voll Hoffnung schon Millionen,

Der Tag für Freiheit und für Brot bricht an.

Zum letzten Mal wird zum Appell geblasen,

Zum Kampfe steh’n wir alle schon bereit.

Bald flattern Hitlerfahnen über allen Straßen.

Die Knechtschaft dauert nur noch kurze Zeit!

Die Fahne hoch! Die Reihen fest geschlossen!

SA marschiert mit ruhig festem Schritt.

Kam’raden, die Rotfront und Reaktion erschossen,

Marschier’n im Geist in unser’n Reihen mit.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Текст гимна «Рабочая Марсельеза»

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!
Нам не нужны золотые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог.
Царю нужны для войска солдаты,
Подавайте ему сыновей,
Царю нужны дворцы и палаты –
Подавай ему крови своей.

Вставай, поднимайся, рабочий
народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд,
вперёд!

Кулаки-богачи жадной сворой
Расхищают тяжёлый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз –
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ.

Вставай, поднимайся, рабочий
народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд,
вперёд!

И взойдёт за кровавой зарёю
Солнце правды и братской любви,
Хоть купили мы страшной ценою –
Кровью нашею – счастье земли.
И настанет година свободы:
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда.

Вставай, поднимайся, рабочий
народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд,
вперёд!

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Текст гимна “Auferstanden aus Ruinen”

Auferstanden aus Ruinen
und der Zukunft zugewandt,
laß uns Dir zum Guten dienen,
Deutschland, einig Vaterland.
Alte Not gilt es zu zwingen,
und wir zwingen sie vereint,
denn es muß uns doch gelingen,
daß die Sonne schön wie nie
über Deutschland scheint,
über Deutschland scheint.

Glück und Frieden sei beschieden
Deutschland, unserm Vaterland.
Alle Welt sehnt sich nach Frieden,
reicht den Völkern eure Hand.
Wenn wir brüderlich uns einen,

schlagen wir des Volkes Feind.
Laßt das Licht des Friedens scheinen,
daß nie eine Mutter mehr
ihren Sohn beweint,
ihren Sohn beweint.

Laßt uns pflügen, laßt uns bauen,
lernt und schafft wie nie zuvor,
und der eignen Kraft vertrauend
steigt ein frei Geschlecht empor.
Deutsche Jugend, bestes Streben
unsres Volks in dir vereint,
wirst du Deutschlands neues Leben.
Und die Sonne schön wie nie
über Deutschland scheint,
über Deutschland scheint.

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Текст гимна “Flower of Scotland”

O Flower of Scotland,
When will we see
Your like again,
That fought and died for,
Your wee bit Hill and Glen,
And stood against him,
Proud Edward's Army,
And sent him homeward,
To think again.

The Hills are bare now,
And Autumn leaves
lie thick and still,
O'er land that is lost now,
Which those so dearly held,

That stood against him,
Proud Edward's Army,
And sent him homeward,
To think again.

Those days are past now,
And in the past
they must remain,
But we can still rise now,
And be the nation again,
That stood against him,
Proud Edward's Army,
And sent him homeward,
To think again.

ПРИЛОЖЕНИЕ М

Текст гимна СССР (1943-1955 гг.)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Текст гимна СССР (1977-1991 гг.)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

